

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ИСТОРИЯ

Куда вас сударь...

Агент по принуждению...

ЮРИЙ МОСКАЛЕНКО
КОНСТАНТИН БЕЛИЧЕНКО
2021

КНИГА ВТОРАЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Куда вас сударь...

Юрий Москаленко

Дворянин. Книга 2. Часть 1

«Автор»

«Беличенко Константин»

2021

Москаленко Ю.

Дворянин. Книга 2. Часть 1 / Ю. Москаленко — «Автор»,
«Беличенко Константин», 2021 — (Куда вас сударь...)

Дмитрий Иванович Мальцев уже освоился в новом теле и в новой для себя роли. Но вот свои планы... планы, приходится кардинально менять. Острая нехватка материальных средств заставляет пускаться в разные авантюры... которые не всегда соответствуют его желанию. Поместные дворяне оказывается, тоже зависимы от государственных структур и интриг аристократов.

© Москаленко Ю., 2021

© Автор, 2021

© Беличенко Константин, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Юрий Москаленко, Константин Беличенко

Дворянин. Книга 2. Часть 1

Глава 1

– До свидания Софья Павловна. Будьте очень осторожны – прощаюсь я, в общем-то, с не плохой девушкой у дома губернатора Воронежа Николая Андреевича Лангель. Немца по национальности, но являющимся уроженцем Финляндии. Господи, и кто у нас только не командует сейчас в отечестве, только не русские. А потом будут кричать, что русские всех притесняют и всех душат. Огромный дом губернатора в итальянском стиле с колоннами и большим садом, на фоне других выглядел вызывающе. Слуги уже забрали вещи в дом и нам дали спокойно попрощаться.

– Увидимся ли мы ещё, Дмитрий Иванович? Вы приедете к нам в гости, в Санкт-Петербург? – в волнении девушка тербит свой платок.

– Непременно. Как только дела позволят, сразу же выберусь в столицу – улыбаюсь, а сам при этом матюгаюсь в душе... и вру конечно. Вот только мне столицы с её интригами до полного счастья и не хватает. Сохранить своё инкогнито не получилось, от слова совсем. Понятие военная тайна и что надо меньше болтать языком, у моих спутников отсутствует, напрочь. А я ещё удивлялся, когда читал книгу про боярские кланы, где у них половина слуг были немцами или с вырванными языками. Прямо самому хочется, взять нож и сделать тоже самое, с некоторыми своими. Ничего доедем домой, я им устрою курс молодого бойца по полной программе с плакатом «Болтун – находка для шпиона».

– Чем я смогу вас, отблагодарить? – вздыхает девушка, смахивая слезинку с лица.

– Надеюсь, вы сдержите обещание и позаботитесь о ребёнке – получаю кивок. Ну, прямо прощание как в кино. Осталось только песню где-то в фоне дать: Не плачь. Маруся. Софья, выразила желание, позаботится об одной маленькой девчужки из четверых, которых мы вызволили из рабства. Все девочки были одна лучше другой и обещали вырасти настоящими красавицами. Да, суки отобрали «отборный товар» себе на пароход. – Если вы передадите мои слова отцу, то этого будет вполне... достаточно. Скоро, к сожалению, разразится большая война.

– Вы про беспорядки у мадьяр? – перебивает она меня.

– Нет. Именно что большая война, где будут участвовать много разных стран – качаю я головой.

– Когда? – испугалось девушка, и сложила руки на груди, зажав платок.

– Не знаю, но очень... очень скоро. Всё к этому идет – э нет, более точную информацию говорить я не буду. Урок Мальцева я запомнил, да и сам на практике убедился в его правоте. – Так вот. Наши казнокрады и англичане хотят убрать от государя верных и умных людей. Тогда они всё спишут на эту войну. А англичане хотят навязать Российской Империи крайне невыгодные нам договора, но крайне выгодные экономически им.

– Каких? – изумление в её взгляде.

Вращение даже в таком юном возрасте среди аристократов, делает всех девушек природными интриганками и охотниками за любой информацией. Всё запоминается и всё используется. Единственное, что я не мог понять, как так просто Софья Ферзен, попала в ловушку Мордвинова. Как сказала она мне, что они поехали с Николая навестить их дальних родственников. Ну и чёрт с ней, не очень-то и надо. Своих проблем, больше чем бы хотелось.

– Они хотят изгнать наш флот с Чёрного моря. Да-да. Как военный, так и торговый. Потому, что на Балтике большая часть торговли идёт через них. А для этого им надо убрать Орлова, Дубельта и посадить на их место князей Долгоруких. А один из их родственников

должен вывезти какие-то секретные документы за границу – точной даты я не помню, но пусть будет так. – Только я очень прошу, скажете это только папе и больше никому. И что это вам, сказал Василий Тёркин и ни в коем случае не упоминаете моё имя. И строго придерживайтесь плана, который мы вместе придумали.

– Почему? – всё ещё пытается затащить меня чуть ли не завтра в столицу к своему папеньки.

– Потому, что за те миллионы, которые они разворовали, меня просто убьют. Да и вас не пощадят с отцом...помните об этом. Неужели вам этого приключения не хватило? Или вы мне желаете участи Казарского. Ещё раз до свидания и будьте очень осторожны – поправляю шапку, вроде как отдаю честь.

Я разворачиваюсь и ухожу к наёмному экипажу. Да, это не очень хорошее дело впутывать молоденькую девушку в такие серьёзные интриги. Но, а что мне делать? Но, это категории опять же двадцать первого века. А тут она уже взрослая, семнадцать лет. Неужели я, только один попаданец, должен думать и защищать Россию, а другие местные нет? Нет, так дело не пойдёт. Я вам не Александр Матросов, на амбразуру грудью бросаться не буду. Не захотят воспользоваться моими подсказками, пусть делают как хотят...но без меня.

За те восемь дней, что мы добирались до Воронежа, я весь извёлся. С другой стороны, для меня это очень хорошая тренировка практически в полигонных условиях. «Вылезло» столько вопросов, что я постоянно хватался по очереди то за голову, то за сердце и исписал и писал пометки в блокнот. Главное чтобы потом разобрал, что я там, в спешке начёркал.

Сейчас мне надо доехать с Большой Дворянской, где стоит дом губернатора, на Малую Дворянскую, где остановились мы в доходном доме-трактире купца Ключкова. Я снял полностью весь трактир, вместе с конюшнями на два дня. Обошлось мне это вместе с баней при трактире, что само по себе удивительно в пятьдесят рублей в сутки, и это при том, что Воронеж сейчас считается полным захолустьем.

Сразу же наведались в Дворянскую полицию, оно располагалось в довольно необычном здании с пожарной каланчой посередине. Там нанял троих полицейских нижних чинов со специальным фургоном для арестантов. В результате торга с частным приставом Нечаевым, расстался ещё с одним полтинником. В Воронеже сейчас полиция делится на три части – Мещанскую, Московскую и Дворянскую, которые возглавляли три частных пристава. При полицейских частях работали и пожарные команды. Это как раз их каланча возвышалась на полицейском здании. Полицейские в Воронеже жили очень бедно. Сейчас в городской полиции числилось девять унтер-офицеров и шестьдесят один рядовой, и начальник не отказался подзаработать сам и дать подзаработать своим подчинённым. Некоторые нижние чины, на Воронеж в это время их аж пятнадцать, жили в полицейских будках. Помещения с двумя маленькими окнами, печкой-каминами и лавкой. Будки были как деревянные, так и каменные. Любопытно, что в некоторых будках полицейские нижние чины умудрялись проживать вместе со своими семьями.

По приезду в город, немного отдохнув, поев и помывшись, сразу отвёз Софью с девчонкой к губернатору Лангель. Ей и так путешествие, как молодой аристократке, далось очень нелегко. И мне держать аристократку около себя, во всех смыслах не безопасно.

Потихоньку, пропустив моё день рождение, где мне тут исполнилось двадцать лет, добрались домой. Погода днём, по моим ощущениям, была пять-семь градусов тепла. Ночью бывало, опускалось и ниже нуля. Так, что утром, раскалывая тонкий лёд луж, мы старались преодолеть большую часть пути. После обеда, месить грязь уже становилось трудно, и я очень переживал за прочность дилижансов. Русские дороги, мать их так. По возможности останавливались в трактирах и у помещиков, что вылилось в довольно чувствительные траты. Раньше бы я и мыслить о таком не мог, но трофеев изрядно меня обогатили, и я решил не скупиться для себя и своих людей. Да и мои люди это заслужили. В пути старался больше общаться с Пьером и

учить французский язык. Сам Пьер, как человек, мне нравился всё больше и больше. Правда, я к сожалению, не могу оценить его техническую подготовку. Мне банально не хватает знание французского, а ему русского языка.

– Ну, наконец-то вы вернулись, Дмитрий Иванович. Мы уже все очень волнуемся, не случилось ли чего? – встретил меня словами Фёдор.

– Ничего, всё будет хорошо. Давай поднимаем всех и будем разбираться – разобраться и пристроить всех оказалось не так-то и просто. Петра одарив полтинником рублей, трофейной нормальной саблей и кожей на обувь для всей семьи, сразу отправил домой. Его недоразумение, которое называлось саблей, и которую ему постоянно приходилось чистить и смазывать, чтобы не ржавела, оставил себе. Авось куда-нибудь и пригодится. Так же наградил и Савву, но без сабли. А Максима, попридержал, пока не поговорю со Шварцем.

– Ну-с, и что у нас. Рассказывай подробно? – спрашиваю после того, как закончили разбираться с людьми и вещами с каравана, который я привёл. Дома из-за него опять целое вавилонское столпотворение. Задействованы все помещения и для людей и животных. Наконец, я уселся в кресло в своём кабинете, попивая кофе, и приготовился слушать Фёдора.

– У нас всё хорошо. А вот в городе, спорят. Ходят слухи, что гусары забрали деньги у купцов и купили на них себе много снаряжение. Но, а часть прогуляли. Сейчас спор и идёт – как-то не весело докладывает мне Фёдор.

Я чуть не поперхнулся от такой новости. Во, гусары дают! Завтра узнаем, в чём там дело, но чувствую, купцы ничего хорошего для себя не добьются.

– Лука и Давыдов всё спрашивают, когда же вы приедете. Стефан тоже. От купца Морозова посыльный приходил. Ещё Антонова и Иван Акимович письмо прислал – продолжает он.

– Где письма? – с этого-то и надо было начинать, матюгнулся я. Так. Э... да, в письме получил кучу претензий и срочно сообщить, когда я появлюсь. Ну, в общем ожидаемо. Завтра направлю Фёдора в Москву. Так же напишу письмо купцу Розову в Новгород, пусть сам забирает своё чадо.

Оказывается, меня ждут не только мои хорошие знакомые. На следующий день, заскочив к обеду буквально на минутку к Добрынину, ну это я так думал, попал на разгорячённый спор. Хорошо, что спорили на русском, так как далеко не все купцы знали французский язык. Вообще-то, знание французского языка в это время у нас было сильно преувеличено. Да знали, но в основном в столицах и в богатых семьях, где могли позволить себе персональных преподавателей или слуг с Франции и Англии. В провинции большинство дворян, были чуть богаче крестьян. Какие уж там персональные преподаватели, когда некоторые и пахали вместе со своими крестьянами. У некоторых и дома были на две половины. В одной живут дворяне, в другой крепостные. В двадцать первом веке тоже все английский язык учат, да ещё в школах. А реально многие ли его знают?

Спорят с одной стороны купцы, возглавляемые Добрыниным. С другой стороны дворяне, возглавляемые их председателем Арсеньевым. Хорошо хоть больших начальников тут не было. Они отложили свой спор между собой и все принялись винить меня. Сначала, я никак не мог понять, а в чём я успел перед ними всеми так провиниться? И главное когда? Оказалось всё дело в прибыли, которую привезли с Лейпцига, да ещё в серебре. Дворяне посчитали себя несправедливо обделёнными, и пытаются надавить на купцов, чтобы те поделились. Типа оказали благотворительность, под разными предлогами. А первым делом, часть седьмой гусарской дивизии, перехватила караван. Забрали часть денег, купили себе шикарное снаряжение и лошадей, для поездки в Моздок. Ещё и обвинив купцов, что они разворовали деньги, которые собирали «всем миром» для поездки седьмой кавалерийской дивизии. Деньги собирали ведь не только купцы, но и дворяне, и богатые мещане. Хотя тут как раз для меня всё понятно. Чтобы у нас и без воровства, да так не бывает. Скорее всего, там не сильно много и украли, а дворяне этим просто решили воспользоваться.

Теперь ещё пытаются выбить деньги на первоначальный проект здания дворянского собрания. Он был разработан известным русским зодчим Василием Федоровичем Федосеевым в 1832 году. Проект здания местному дворянству тогда обошёлся в пятьсот рублей ассигнациями. Его так и тогда и не осуществили, на него не было денег. Сейчас дворяне уже выкупили землю на Киевской улице и хотят с небольшими изменениями его осуществить. И это не считая первоначального проекта. Дворяне постоянно изменяли задание и у них на руках сейчас ещё пять разных проектов на эту тему. Так же их раздражает дом купца Добрынина, хоть он и градоначальник. Слишком он у него богатый и шикарный, и не у дворянина. (Потомственное дворянство Добрынин получит в 1879 году – прим. Автора.)

– Вы же тоже потомственный дворянин, Дмитрий Иванович. Скажите, почему мы должны строить какое-то непотребство? – накинулся на меня Александр Николаевич Арсеньев.

– То, что строить надо хорошо и красиво, я с вами полностью согласен. Но зачем купцов и мещан при этом обижать, мне не совсем понятно – не соглашаюсь с ним, как и с другими дворянами.

– А вы, Дмитрий Иванович, знаться с нами не хотите. Общаетесь только с подлым сословием – это уже со стороны дворян. За этим опять последовали разные обвинения. Чего они ко мне прицепились?

Так мы ни к чему не придём. Тут всё упирается в деньги и разорение дворян, что им крайне не нравится, вот и скандалят. Заниматься чем-то серьёзным, типа промышленности у основной массы, нет ни мозгов, ни денег, ни желания.

– Подождите господ. Так мы не до чего толкового не договоримся – останавливаю спорщиков, навалившихся на меня. – Самое плохое, что у нас нет общего плана развития губернии, где будут участвовать все слои нашего населения.

– Вы, что такое говорите, молодой человек – озлобился Арсеньев. – Вы, что революционер или народник?

– Революционер и народник, это слова ругательные и попрошу их ко мне, не применять – вспомнил фразу с кинофильма «Иван Васильевич меняет профессию». – Вы, что господ, не понимаете, что если мы не проведём сейчас план сверху, то его проведут снизу. Вам что, прошлого крестьянского восстания тут не хватило или вторую пугачёвщину с французской революцией хотите дождаться?

По данным материалов центральных архивов, за 1826–1835 гг. было зарегистрировано триста сорок два крестьянских волнения, за 1836–1845 гг. – четыреста тридцать три, а за 1846–1855 гг. – пятьсот семьдесят два. Уже в первый год царствования Николая – 1 произошло сто семьдесят девять крестьянских волнений. Из которых пятьдесят четыре были усмирены с помощью воинских команд. 12 мая 1826 г., в связи с многочисленными крестьянскими волнениями, сопровождавшимися упорными слухами о близкой «воле», был обнародован царский манифест, грозивший карами за распространение этих слухов и неповиновение.

Все насуплено молчат, как дворяне, так и купцы.

– И что вы, Дмитрий Иванович, можете предложить? – первый опомнился Добрынин и строго посмотрел на меня. Явно ждет подлянки... и правильно. Сейчас получите, то что я давно уже обдумывал.

– Первое. Я предлагаю, прорыть канал до Оки и соединить его с Упой. А это даст возможность судам выходить в Волгу. Сразу же позволит оживить нашу торговлю. Второе, использовать Ваши проекты, господ – киваю в сторону дворян – и построить ещё здания двух банков. В одном Первый государственный, а во втором Дворянский местный.

– Вы прямо как делец-купец рассуждаете. То-то вы с ними только и общаетесь – Лодыженский. Он один из дворян, у которого имение рядом с Тулой. Даже можно сказать на окраине

Тулы. Сам, он мне не очень нравился, грубый и беспардонный. Безмерно гордящийся своей прошлой службой. Солдафон – одним словом, причём в худшем смысле этого слова.

– Василий Алексеевич. Вы бы лучше брали пример, с так любимых вами, англичан и французов. У них что-то не зазорно заниматься зарабатыванием денег. Многие имеют фабрики, разные суда и другие предприятия. А вы, господа... даже не знаете, что у вас в своей земле есть. Не хотите сами, сдайте в аренду. И наймите, наконец, рудознатцев. На чёрта вы в сельское хозяйство так ударились? У нас тут всё плохо растёт, и мы никогда не сможем равняться в этом на Европу. Да ещё крестьяне ваши сохой пахут, когда за границей уже все железными плугами.

– Что ещё вы, предложить можете и где мы, столько крестьян наберём для канала? А если наберём, то куда потом денем – перекрывая недовольство дворян Арсеньев.

– Крестьян брать не надо. Восстание в Венгрии, как вы знаете, продолжается. Государь, по просьбе австрийцев, принял решение направить войска. Значит, будут много пленных солдат, ну и добавите других преступников. Направьте прошение в столицу. Берите так же по более офицеров с дворянами, они потом выкупятся и у вас будут деньги. Но лучше брать с них разными производствами, типа мельниц и мануфактур. Не захотите сами заниматься, продадите нашим купцам, которые с удовольствием купят. Для охраны и порядка создадим дополнительные местные егерские части из бедных дворян, мещан и бывших солдат.

А вот идея нагреть руки на выкупе пленных, им особенно понравилась. Как раз в духе местных дворян. Тем более, вместе можно ещё с их дворянами пображничать и поохотиться.

– Ну а куда мы потом мадыарскую чернь денем? – несколько умилили пыл дворяне, и пошла уже более конструктивная беседа.

– Предложите государю завершить начатый ещё Петром Великим Волго-Донской канал – там копать, не перекопать. – А в Тульской губернии часть земли, которая останется от выкупленных имений вокруг канала, продайте крестьянам. Это тоже возместит ваши расходы и государю будет приятно. Да и отвлечёт крестьян от восстаний. Только не надо потом её забирать – довожу дальше свой план.

Третьего марта 1848 г. был издан закон, предоставлявший помещичьим крестьянам право покупать землю. Однако и этот закон был обставлен рядом стеснительных для крестьян условий. Крестьянин мог купить землю только с согласия помещика, о чём он его заранее должен был известить. Но и приобретённая таким путём крестьянином земля законом не была защищена. Помещик мог безнаказанно завладеть ею, ибо закон запрещал крестьянам возбуждать против своего владельца иск.

Всем понадобилось время для обдумывания столь неожиданных и радикальных предложений. Народ потянулся на выход.

– Задержитесь, пожалуйста, Дмитрий Иванович – просит уставший Добрынин.

– Вы знаете, что с этой Лейпцигской ярмаркой, одни проблемы – после того, как мы спокойно попили чаю, начал градоначальник. – Всё, подаю в отставку. А завтра ещё и священники будут. Со столицы проверяющий приехал, жандарм, между прочим.

– Почему в отставку? И кто на место вас – вот блин. Только, только наладил нормальное взаимодействие с местными властями, которые хоть прислушиваются к моему мнению.

– Да надо своими делами заняться, а то я их под запустил. А вместо меня Иван Денисович Сушкин, скорее всего – мы немного помолчали. Я обдумывал информацию, а Добрынин задумался о чем-то своём. – Мне надо ваша помощь.

– Моя? – удивляюсь невероятно.

– Сначала поприсутствовать при разговоре со священниками, они придут завтра к двум часам по полудню. Потом поговорите со Шварцем, ведь у вас с ним хорошие отношения? Что проверяющему надо? Тут и так проблем, не знаешь, за что хвататься – качает головой глава и поправляет шейный платок с заколкой.

– А что у вас с прибором, которые чертежи вам я передал? – чего они в эти шейные платки так вцепились. Я вот хожу без него и ничего. Правда и костюм у меня несколько другой.

– Возникли небольшие трудности, но я решу. Вот и поэтому тоже отставку и прошу – отвечает он.

– Вы же зерном занимаетесь, Николай Николаевич? – опережаю его, чтобы он меня ещё чем-нибудь не «нагрузил». – А почему у вас мельницы в городе нет?

– Интересно – неопределённо произнёс он.

– Ну а что? Деньги у вас есть. Купите паровую машину и приставите её к жерновам. Уголь у нас есть рядом, стоит копейки. Прибыль будет отличная, а что тут не продадите, в Москву отвезёте – заманиваю Добрынина в очередную авантюру. Ну, это опять, как посмотреть. Стоит мельница дорого, но и отдача от неё не маленькая.

– Умеете вы, Дмитрий Иванович, всем работу найти. Странное какое-то вам образование отец дал? – удивляется моим вывертам глава.

– Да он за этим и не следил. А мне больше механика нравилась, как государю. Мы «инженеры» – повторяю слова Николая – 1.

– Оно и видно... инженеры. Идите и не забудьте завтра обязательно приехать – глубоко, как будто на нём пахали, вздохнул Добрынин.

Глава 2

Только сел в коляску и тут же вспомнил за деньги, которые мне должно общество «Тулльский Свет». А Добрынин, почему-то и не напомнил? Хорошо, спишем на то, что он устал, но только до завтра. А то на этот торговый караван все нацелились, и все рвут с него прибыль, как тузик грелку.

Еду к Шварцу. Вслед за адъютантом захожу в его кабинет, держа под мышкой завернутые в ткань штуцеры. Можно бы и нижних чинов напярчать, но оружие тут носить лучше самому. Это честь, привилегия и отличие дворян. Этим могут пренебречь только женщины, да и то... даже Екатерина Великая носила своё ружье сама.

В кабинете у жандарма были ещё два человека. Один пожилой, весь из себя такой важный и молодой щёголь в военной форме. Пожилой, наоборот, в дорогом костюме, состоящим из коричневого удлиненного пиджака с блестящими пуговичками. В серую полоску брюки. Светло-кремовая рубашка, дополнение к ней был шейный платок. Белоснежный платок, застёгнутый булавкой с красным камешком. В тёмных волосах и бороде видна седина. Сама борода стриженная клинышком и большие загнутые вверх усы. Наверное, под Луи Наполеона «косит», ишь гранцуз недоделанный. Что мне сразу и не понравилось. Сидит на месте Шварца, с видом хозяина кабинета, читая какой-то документ. Рядом молодой человек, худой и жилистый. Наверное, очень сильно физически выносливый, расслабленно сидит в кресле, попивая чай. В его лице явно присутствовали черты жителей Кавказа, но не сильно выраженные. Выдавали это лишь большие чёрные глаза и волосы, явно не славянского происхождения. Тёмные и вьющиеся.

В который раз отметил для себя, что я, наверное, слишком скромно одеваюсь. Ну не произвожу благоприятного впечатления на окружающих, как тут надо. Тут же наоборот предпочитают носить яркие цвета, яркую отделку, кантики, много пуговиц и всячески украшать одежду. Обязательный декор, это блестящие пуговицы с надписями. Даже в одинаковые мундиры умудрялись втиснуть что-нибудь этакое, отличительное от других. Сам хозяин сидел на стуле, где обычно любил сидеть я, и тут же вскочил, стоило мне только зайти.

– Ну, наконец-то. Где же Вы, пропадали Дмитрий Иванович? Разрешите Вам представить генерала Станислава Игнатьевича Лисовского и штабс-ротмистра Михаила Тариэловича Лорис-Меликова. В некотором роде, Ваш, коллега.

Представился и я, чем вызвал немного изумлённый взгляд генерала. И с какого перепугу Шварц назвал меня коллегой. Я вроде, в жандармерию служить не нанимался.

– Ротмистр, езжайте в гостиницу, а завтра пообщаетесь с вашим «коллегой». Я думаю, вам будет интересно обсудить разные взгляды на вашу службу – отдает распоряжение генерал. Затем некоторое время внимательно рассматривает меня и что-то ему явно не понравится. Ну и бог с ним, мне с ним детей не крестить. Да и вообще, не охренели ли «товарищи» жандармы?

– Я немного знаком с вашим заданием, а теперь хочу узнать подробности? – произнес генерал и уставился на меня.

– Подождите. Давайте решим вопрос с моим статусом? – и не собираюсь я пресмыкаться перед каждым генералом. Подумаешь, их тут много... разных, а я тут такой один! Да и вообще, как поговориться только согласись оказать услугу, так готовы, в стой поставить.

– А что там решать. Вы временно исполняли задание жандармерии. Так, что возвращайте документ и остальное – спокойно так генерал.

Внимательно смотрю на генерала и решаю, стоит или не стоит с ним ругаться. Решил, что не стоит, прибыль я «поднял» просто отличную. А злить генерала жандармов мне пока не выгодно. Выкладываю с кармана компас, тубус с мандатом и карту. Письма пока держу при себе. Рассказываю и показываю на карте маршрут, от имения Долгорукова, до захвата хутора.

– Но, тут вдруг приехал хорунжий Когальников и с ним ещё трое. Увидели, что мы арестовали Качукова с Мордвиновым, чего-то испугались и начали стрелять. В результате перестрелки Мордвинов погиб и только потом я узнал, что это сын сенатора – немного помолчав, рассказываю дальше отредактированную мной версию, заканчивая захватом парохода.

– Что? Вы захватили купеческий пароход на дальнем рейде Керчи, который вез муку из Одессы? – вскочил генерал, хлопнув при этом ладонями по столу. – Да вы... пират. Вам что, законы империи не указ. Смерть сына сенатора, арест капитана охранной шхуны, пиратский захват купеческого парохода. Смерть уважаемого английского доктора. Что, чёрт возьми, вы ещё натворили? И с чего вы взяли, что девушек привезли не лечить, а продать в Турцию? – навис надо мной генерал.

Пытаюсь объяснить, бесполезно. Генерал ещё больше разошёлся. Он заметался по кабинету, обвиняя по переменке, то меня, то Шварца.

– Где вы, уважаемый Сергей Павлович, взяли такого «героя». Вы куда смотрели? – в набегавшись накинулся с новой силой на Шварца генерал.

– Послушайте вы... генерал. Вы вообще понимаете, что сейчас несёте? – вспыхиваю я. Задолбал. Я ему что, мальчик для битья? Тоже вскакиваю с кресла, где раньше сидел ротмистр. – Вы бы хоть бы узнали, что я выпытал у англичанина.

– Так вы, ещё его и пытали? Вот это... сын вырос у Ивана Акимовича – изумился генерал, повернувшись ко мне.

– Вы моего отца не трогайте. Вы лучше за своими детьми смотрите. Вот смотрите, что я у него в тайном месте нашёл – и достаю два письма. – Мало того, задание англичанина было узнать, когда Российская Империя, собираются начать войну с Турцией. А так же помощь и восстание татарского населения в Крыму туркам. Не только деньгами, но и оружием. Как вам такое?

Мы в двадцать первом веке только и считаем, что Крымская война стоила нам. Почему-то думаем, что единственной целью Англии и Франции была только Россия. Почему? Непонятно. Или как обычно, верховные власти на ошибках не учатся. А что стоила война самой Турции, забываем. А привело её она к полному банкротству. После Крымской войны султаны Оттоманской Империи начали занимать деньги у западных банкиров и перестали представлять серьёзную угрозу для Европы. Не имея практически никакого внешнего долга еще в 1854, османское правительство очень быстро стало банкротом, и уже в 1875. Султан Абдул-Азиз был должен европейским держателям облигаций почти один миллиард долларов в иностранной валюте. А это по тем временам составляла просто астрономическую цифру. Вот так-вот, англосаксы, постоянно стравливая соседей между собой, в этот раз добились экономического и военного падения двух империй. Я бы наоборот, помог Турции влезть в Европу.

Ещё кто лоббировал войну с Турцией, это были российские латифундисты. Тот же генерал-фельдмаршал Паскевич, был одним из их представителей. Им совсем не нравилась конкуренция с придунайскими княжествами Молдавии и Валахии на хлебном рынке. Так как нормально конкурировать они не могли и не хотели, то они задумали решить вопрос кардинально, то есть банальным захватом. Постоянно подпитывали деньгами в правительстве своих сторонников для начала войны.

В период господства феодализма латифундии стали главной формой ведения сельского хозяйства и основывались на применении труда крепостных крестьян. Решительный удар феодальному латифундизму в странах Западной Европы был нанесён буржуазными революциями шестнадцатого-восемнадцатого веков. Разновидностью латифундий были и рабовладельческие плантации и в Америке в семнадцатом-восемнадцатом веке. У нас же этот процесс опоздал на двести лет по сравнению со всей Европой. Плюс и климатические условия страны делали сельское хозяйство рискованным и с высокой себестоимостью продукции.

Ещё одним слабым местом в экономике России были пути сообщения. В первой половине девятнадцатого века основной поток грузов внутри страны двигался по рекам.

Да и наш правящий класс какого-то лешего постоянно лез в Европу. У нас что, своих проблем мало? Раде чего там разбираться в переплетении рас, народов и их интересов? Они и без нас постоянно ссорятся и воюют между собой. Наверное, чтобы свои проблемы не решать. Это же какой труд, решать интересы внутри страны, а не снаружи. Ни славы, ни почёта, ни наград. А без признания со стороны Европы, наши правители вообще спокойно спать не могут. Бессонница ...у них...или изжога?

– Что? Какая война? Что вы... мелите? – чуть сбитый с толку генерал.

– С Турцией. Англичанам и французам надо стравить и ослабить и нас и турок. А нашим генералом надо списать то воровство, которое они за несколько лет украли. И главным у наших, это князь Меньшиков, который ворует ни чуть не меньше своего предка. Вон и в Керчи, князь Захар Семёнович Херхеулидзе, вместо того чтобы крепость возводить, себе курортный городок строит. При этом часть денег они уже перевели в банки Ротшильдов в Англию.

Генерал окончательно уже сбитый с толку моим напором, опустил в кресло и принялся читать письма.

– А почему они открытые? – просмотрев письма и опять начал злиться Лисовский.

– Потому, что это копии. А оригиналы я уже отправил нарочным вашему начальнику Орлову, с моей пояснительной запиской – хотя я этого и не делал, но подумывал.

– Как отправил? Кто позволил? – опешил генерал.

– А я не ваш... подчинённый. Вы лучше там – указываю пальцем наверх. – подумайте, что делать будете? Вы что же думаете, нижние чины не видят, что происходит? И кто и как, тогда воевать за царя и отечество будет?

– Арестовать его – опять вскочил генерал и швырнул письма на стол.

– Э... Ваше превосходительство, может не стоит так уж радикально – наконец подал голос Шварц. До этого мы и забыли с генералом, что в кабинете мы не одни.

– Я сказал арестовать – и затряс колокольчиком.

Тут же в комнату ворвался адъютант Шварца, а потом и ещё нижний чин. Сказать, что я сильно был поражён этим решением, это вряд ли. Несмотря на серьёзные предупреждения Мальцева, я уже понял, что остановить абсолютно ненужную войну России с Турцией можно только внутренней склокой в верхах. А я, зная некоторые предвоенные нюансы, постараюсь ещё больше раздуть скандал. Воспользуемся поговоркой, чем больше ложь, тем быстрее в неё поверят...ну возможно и пострелять придётся...из-за угла. Как говорится: нет человека, нет проблем. Пора немного проредить этих латифундистов, которые просто душат все реформы в стране.

До вечера мне пришлось просидеть в соседней комнате, обдумывая ситуацию и строя разные планы.

– Выходите, Дмитрий Иванович – отперев дверь и став в проходе Шварц.

– И что дальше? – удивляюсь я.

– Что, что – передразнил он меня. – Быстро доделывайте срочные дела. У вас есть неделя. Уезжайте из Тулы и минимум тут полгода не показывайтесь или пока вам... не разрешат – зло говорит мне Шварц.

Вот чудеса, то арестовывают, то отпускают. И тут же дают совет прятаться. Полный разброд и шатание. Они, наверное, и сами не понимают что делают.

– Ну а что генерал? – улыбаюсь от такой несурязицы.

– Генерала Лисовского я убедил вас пока выпустить. Он заберёт ваши письма, которые вы привезли и завтра уедет. А вот я, похоже, останусь без работы и не только – грустно констатировал Шварц.

– Если они вас уволят, я вам, Сергей Павлович, работу найду. Нам такой специалист очень нужен – успокаиваю жандарма. За свою собственность, я не переживал. Лишь меня дома или имения, сейчас практически не возможно. Для этого нужен специальный указ императора. – А вот вы мне расскажите о Максиме Савельеве.

– Пойдёмте ко мне в кабинет – приглашает полковник.

После долгого и дотошного моего расспроса, выяснилось, что Максим не причём, и не мог знать Мордвинова и что там его встретит. Мало того Шварц попросил его взять к себе на работу. Так как после моего ареста и дальнейших разборок с генералом, вынужден был и его уволить.

– Чего он вообще...приехал, ваш генерал? – ладно со мной так, но чего он в Туле тут «ошивается»?

– По жалобе купцов – махнул рукой полковник.

– И как? – никак не могу взять в толк, что же там конкретно случилась. То, что дворяне «нагрели» купцов понятно, но вот главный вопрос...на сколько? Осталось ли хоть что-то купцам?

– Вычтут немного из жалования с зачинщиков у гусаров и всё. Дворяне как никак, да ещё на войну с горцами едут – сделал неопределённый жест рукой Шварц.

– Но это же наверняка не покроит убытков купцов? – возмущаюсь я.

– Да какие убытки Дмитрий Иванович? Купцы на ярмарке в Лейпциге огромную прибыль поимели, сильно не обеднеют – хмыкнул полковник.

Молодцы, ничего не скажешь. Как генералов с аристократами прижать, так у них кишка тонка. Зато другие слои населения можно обдирать, как хочешь. Вот откуда все наши и беды. Как кто наверх залезет, так тому закон не писан. Как тогда, так и сейчас.

– Я прошу вас, Дмитрий Иванович, поговорите с Михаилом Тариэловичем. Я думаю, вам будет интересно, поделится опытом, друг с другом. Он приехал купить разное оружие в Тулу. А у вас, как я заметил, очень...необычный подход к этому делу. Мало ли, возможно вам и служить вместе придётся – убеждает меня Шварц, видя скепсис выражения на моём лице.

– Тьфу – тьфу – тьфу – сплевываю я через левое плечо. – Хватит, я вам уже послужил... ещё бы немного и в Сибирь сослали – возмущаюсь я.

Молодец всё-таки Шварц. Вот на таких патриотах Россия и держится.

– Зато и вы...дел натворили...даже не знаю чем это всё закончиться – оставляет за собой последнее слово жандарм.

Как не удался день, зато удалась ночь, которую я провёл у Антоновой. Только я к ней заехал, был обласкан, накормлен и затащен в постель. В спальне портнихи до этого вечера я ещё не был. Хотя всяким бантикам и рюшечкам, был не удивлён. Изменение произошло явно с кроватью, которая была скопированная явно с моей и явно работа Луки. Тут же подаренное мной большое зеркало, в красивой рамке, сделанное Лукой. Ещё порадовало большое деревянное корыто, явно тоже сделанное руками нашего столяра, и претендующее на звание ванны. Находилась оно в соседней комнате, которую превратили в ванную комнату. Прогресс, однако. Вот это уже точно моё влияние. Ну хоть хорошее.

Эх, я бы ещё провёл так пару дней, но время «убегало сквозь пальцы» и пришлось разговаривать на сугубо деловые темы.

– Эй, Лисичка, давай поговорим на серьёзные темы – тормошу Антонову, нежно дуя на неё. – И мне надо опять новую одежду на весну.

– Что-о, прямо счас – сладко потягиваясь, Анна. – Не хочю – и лезет целоваться.

– Анна, мне скоро опять... придётся уехать. Я хочу, чтобы мы начали много зарабатывать сейчас – придерживаю её и пытаюсь закончить разговор.

– Зачем? Тебе что денег не хватает? – недовольно она.

– Боюсь, что и тебе их скоро хватать не будет. Наверное, скоро опять... большая война с Турцией будет. И кто и сколько тогда у тебя покупать будет? А налоги с войной царь явно не прервет поднять – хмыкаю я и легонько бью её по плотной попе.

А вот таких матюгов в её исполнении, я явно услышать не ожидал. Пришлось всё-таки прервать серьёзный разговор более приятным занятием.

Отдышавшись, мы обсуждаем все накопившиеся наши дела. Я, наконец, убедил её прикупить участок, на Подъяческой улице, около моего для строительства своего дома. Этот же дом, потом полностью переделать в мастерскую и магазин, а так же моя помощь в этом. А лучше продать. Не обошлось и без спора по разным вопросам. Продали ещё две куклы, а на шесть получили заказ из Москвы.

Как не удивительно, но Поляков принёс два рисунка гусар. На мой взгляд, мазня-мазнёй, но для девятнадцатого века неплохо. Тем более рисовал явно любитель. Дворяне часто увлекались разными хобби. Больше всего любили сочинять всякую чушь и даже соревновались в этом на приёмах.

Вот я и хотел забрать рисунки, но не тут-то было. Антонова вцепилась в них, еле отбил один. Да и тот, где гусар изображён почти сзади, ну в пол-оборота. Повешу в рамку под стекло. Будет исключив, да и стену хоть чем-то украшу.

– Так же я перепишу двух девчонок тебе в услужение. Но с условием, что ты их научишь шить и на машинке работать, считать и писать – подвожу итог довольно долгому разбору дел.

– Тебя, Елизавета Павловна Хрипкова, твоя соседка по поместью, видеть хочет. Я пошлю ей весточку? – обнимает меня лисичка.

– Это ещё зачем? – вот если Аня так пытается ласкаться, жди проблему.

– Хочет и она тоже что-нибудь организовать...этакое. Ну, чтобы деньги зарабатывать – и Антонова уставилась на меня. – Помоги, ты же можешь. Она моя подруга.

– Хорошо, я подумаю...но не обещаю – и целую Лису-Патрикеевну. Пусть привыкает, а то больно как ей кажется у меня все хорошо получается.

Утром с большой коробкой, в которой находилась кукла для Николая – 1, я оправился домой. В кукле меня только насмешило клеймо на пятке, которое выжиг, а потом залакировал Лука. Странное больно место они придумали. Необычное.

Не успел дома толком узнать, как выполняются мои распоряжения, ещё раз позавтракать и привести себя в порядок, как пожаловал ротмистр.

– Вы уж извините меня Дмитрий Иванович, но время не терпит. Мне надо прикупить оружие и срочно убыть на Кавказ. Но Сергей Павлович, настоятельно просил с вами посоветоваться – несколько сконфуженно, явно не привык просить, кавказец.

– Ну, давайте тогда начнём... советоваться... по порядку. С формы, в которой вы воюете – принёс я лист бумаги и ручку с чернилами.

В настоящий момент форма одежды военных представляла только одну цель – иметь грозный вид всего строя. Воинственный и красивый вид каждого воина, взятого в отдельности. Поэтому войска наряжали в предметы, крайне неудобные, и по большей части не только бесполезные во время войны, но даже и вредные; материалы для обмундирования по большей части были малоудовлетворительные. Головные уборы у большей части войск состояли из касок черной лакированной кожи, с двумя козырьками, подбородной чешуей, большим гербом и многими медными украшениями. Этот головной убор был настолько стеснителен, что в начале войны разрешено было в походе их бросить и ограничиться только фуражками, которые предназначались в обыкновенное время для домашнего обихода.

– Да поймите, Михаил, не чего если перейдём на ты? Вы на войну собрались или на парад в Петербург форсить. Там будете перед барышнями блистать эполетами. Грибоедова надеюсь, читали «Горе от ума». Это там было: кричали женщины ура и воздух чепчики бросали. А на

Кавказе в вас куски свинца будут кидать разного веса и с разной скоростью – насмехаюсь над его несогласием с моим рисунком формы и цветом.

– А что вы скажете о черкесках, знаете такие? – Лорис-Меликов.

– В принципе они в ваших условиях там, где нет достать другого, лучший вариант. Но вы, как и многие забыли мудрость веков. Например, викинги воевали в разных широтах и разных странах. Что вы знаете о их одежде? – улыбаюсь ротмистру. – А если вам надо быстро упасть и стрелять лежа?

– Расскажите. И откуда вы это знаете? – просит и спрашивает Михаил.

– Откуда знаю не важно. Первое это должны быть нательные рубахи, которые постоянно меняются и стираются. Берите побольше. От их частоты зависит ваше здоровье. Вторая рубаха более длинная с разрезами по бокам – а дальше я уже фантазирую. – Локти обшиты толстой кожей, чтобы и не протирались и чтобы не промокали при лазанье. На суставы лучше сшить налокотники, а на колени – наколенники. На рукаве регулируемые манжеты. Всё это не броского цвета, лучше серого. Штаны вообще лучше использовать с кожаными вставками – рисую отдельно. – Ну и конечно, военный пояс. Но тут я вам даже покажу, какой я дарил своим людям.

Ротмистр далеко не совсем согласен и мне опять пришлось доказывать. Потом объяснять тактику построения и разведки. У меня конечно с этим тоже не очень, но куда как лучше, что есть сейчас. – Я бы вам, ещё и собак порекомендовал бы использовать.

– Да используем мы их, но в основном при охране поселений. Кормить приходится за свои деньги. А с собой водить, так это по штату не положено – несколько неуверенно произнёс он.

– Наплюйте вы на этот штат и распоряжения. Они там что, в Петербурге вас видят оттуда? Или лучше знают, чем вы, воюя на Кавказе? Тем более вы не в регулярных войсках служите. Лучше оставите в поселение пару солдат, но возьмите с собой пару собак и нормальное оружие.

– Какое? – удивляется он.

– А что, вы скажете на это? – приношу и показываю револьвер и кирасу.

Опять спорим.

– По-вашему выходит не война, а какая-то бойня – вздыхает он. Вот только я не пойму чем Михаил недоволен или разочарован в своих грезах.

– Чем больше населения, тем ожесточённее будут войны. Тем больше будут влиять на победу обученные войска и лучшее снаряжение, и их вооружение. Не захотите вводить вы, введут против вас – подвожу итог. – А сейчас извините, но мне надо по делам.

– Продайте и то и другое. Вы же сейчас воевать не собираетесь? Сколько вы хотите? – вдруг просит Лорис-Меликов.

– Приезжайте ко мне завтра, и мы потом все решим – устал я с ним. А ещё со священниками, чувствую, будут ещё те баталии.

Чёрт, увлёкся с этим Лорис-Меликовым и опоздал к Добрынину. Я подозревал, что тут в разговоре не столько моя помощь надо, сколько внести хаос в спор, чтобы не принять решение или принять, но совсем неожиданное для других. «Отбиться» Добрынин и сам может. А заодно узнать, чем ещё интересуется проверяющий и чем это лично ему это грозит. Ну а если я ещё и священников «нагрузу», чтобы они его постоянно не доставали, то это вообще замечательно. Ну, что же попробуем его не разочаровать, ну и других заодно тоже.

– Здравствуйтесь господа. Здравствуйтесь святые отцы – поздоровался я, входя в кабинет к градоначальнику, где собралось довольно таки немало народу.

Глава 3

К церкви у меня отношение не однозначное. То, что бог есть, это точно. Даже я как-то поменялся разумом с Мальцевым. Как душа попадает в людей и куда уходит потом, вот в чём вопрос? И почему они у людей все разные? Наверное, только сам господь бог на это и ответит.

А вот я к самим церковникам я отношусь плохо. И на это есть ряд причин. Первая, это то, что они сами проповедуют и сами же и нарушают. Да ещё и как нарушают. Основные грехи – гордыня, алчность, зависть, гнев, похоть, чревоугодие, лень и уныние. Вот и посмотрите вокруг на наших служителей церкви, какие упитанные рожи, на каких машинах ездят, какие одежды носят и как часто их меняют? А какие хотят и возводят огромные храмы. Неужели богу это всё нужно? Всё это справедливо хоть для девятнадцатого века, хоть для двадцать первого. Убранство храмов, оклады для икон, украшение для их одежд и регалий – сколько денег это стоит? А ведь всё это оторвано от народа и прямо влияет на его благосостояние.

Второе – это не патриотичность церковных служителей в самые трудные времена нашей истории. Например, как только пришли монголо-татары, так тут же церковники стали прославлять Чингисхана и его потомков. Вот поэтому их и не тронули, а не потому, что монголы не трогали чужую религию. Ну, правда они ещё потом дань собирали ...ну и себя конечно при этом не забывали. Вон в Азии из непокорных народов пирамиды кочевники отрубленных голов складывали и не разбирались служители они церкви или нет. То же самое повторилось и во времена нашествия Наполеона. Они тут же принялись восхвалять приход нового императора. Понятно, что не все и не везде. В церкви, как и в обществе, есть свои группы и группки людей «по интересам». Правда французы как-то это не очень оценили, всё равно в основном разграбили храмы. (исторические факты – прим. автора.) Что поделаешь, цивилизованные люди.

Ну а третье – это передача храмов по наследству. Раз посветил себя к богу, отрёкся от мирского, то официальную семью иметь не должен. Ходи в бордель или сожительствуй. А то это уже наследственный бизнес получается и похоть.

Сейчас правда, в тридцатых годах, когда, наконец «дошли и до этого руки», последовали репрессии от обер-прокурора С.Д. Нечаева. Но его почти сразу обвинили в тайном масонстве и других грехах. Недовольство Нечаевым в Синоде стало столь велико, что иерархи решились просить государя о замене его другим лицом. Ходатайство это, поддержанное важным синодальным чиновником А.И. Муравьевым, возымело успех. После отставки Нечаев поселился в Москве, посвящая свой досуг занятиям астрологией в узком кругу друзей.

Но, а последнее действие церковников, это канонизация Николая II и его семьи. И никакой разницы нет мученика или святого, всё равно это почитание и упоминание. Для меня это действие вообще непонятное, ну никак. Дурака, который разрушил и спалил свой и наш дом, то есть Российскую Империю, и погубил свою семью. Из-за него произошла Гражданская война, где сын пошёл с оружием в руках на отца, а брат на брата. Вот таких «государственных» деятелей они прославляют? Может они лет через семьдесят Горбачёва с Ельциным канонизируют? А что, вон какой Ельцин центр построили, и никто из них особо и не возмущался.

Зато я уже понял, чем больше демонизируют нашего правителя, тем больше он сделал для страны и её народа. Пример тому Иван Грозный, Аракчеев, Сталин и Берия. Вот это действительно патроны России. А то, что в процессе бывают и ошибки, не суть. А кто их не делает? Задайте себе вопрос – а я бы смог что-нибудь сделать в такой стране и с такими подданными? Сколько их было в России, и скольких мы помним и главное как?

После этого церковные храмы для меня стали музеями церковного творчества и не более. И даже не народного, потому как тащат они в церкви отовсюду, невзирая, где это произведено, лишь бы подороже. Я, конечно, могу и ошибаться. Вера во что-либо, это дело каждого человека и согласие самого с собой. И никто ему тут не указ.

При императоре Николае-1 и обер-прокуроре Протасове материальному обеспечению духовенства уделялось больше внимания, чем прежде. Церковные причты щедро наделялись землей. Для священнослужителей и причетников строились церковные дома на казенный счет. В 1842 году в западных епархиях, где только что совершилось воссоединение униатов с Православной Церковью, были установлены оклады для духовенства. В следующем году казённое жалование стало постепенно вводиться и в других епархиях. Священнику выдавался оклад от ста до ста восьмидесяти рублей в год, диакону – восемьдесят, дьячку – сорок, пономарю – тридцать два и просфорнице – четырнадцать рублей. К концу царствования Николая-1 почти половина причтов, числом тринадцать тысяч двести четырнадцать, пользовалась казёнными окладами! На эти деньги целое войско содержать можно. Лишь бы они духовно поддерживали действующую власть... а ещё часто служат банками и хранителями ценностей правящих семей.

Мне скажут, что вера объединяет людей в единое общество, тогда почему их так много разных? Да и не верю. При царях был лозунг – За Веру, Царя и Отечество. Вот только в конце 1915 года, начало 1916 года, как только отменили обязательный молебен, большинство нижних чинов сразу на него «забили». И почему, так неистово стали вдруг рушить храмы по всей стране после октября семнадцатого?

Нет, объединяет людей в общество забота правящего класса о своих подданных. Где с молоком матери им внушают, что нет у них других, и никогда не будет. Где чётко и по определённому закону работают социальные лифты... более или менее для большинства населения. Где человек своим умом, решительностью и работоспособностью может добиться успехов. Где закон нормально работает, для основной массы общества. Где мораль, не менее важна, чем закон, а не поклонение золотому тельцу.

Даже при такой поддержке священники императора не постесняются. Сейчас они пришли к Добрынину и требовали десятину с доходов от продаж на ярмарке в Лейпциге. Упирали они и на то, что до конца так и не смогли отстроиться после пожара. А так же, что не могут вместить всех прихожан и им срочно надо расширяться. Слушая их диалог я охреневал от их жадности, и даже пожалел наших купцов, у которых все пытаются оторвать ну хоть что-нибудь.

– Скажите, а вы считаете, себя наследниками Византии? И что у нас тут будет Третий Рим? – вкрадчиво обращаюсь к одному из самых жадных тульских священников. Он и сейчас как раз больше всех и требует.

– Вы это о чём, отрок? – архиерей Дамаскин. На Тульской кафедре он прослужит тридцать лет. (Нелестную характеристику преосвященному Дамаскину дал епископ Енисейский и Красноярский Никодим (Казанцев): «Он оставил после своей смерти сундуки, наполненные серебряными самоварами, подносами и деньгами. А на воротах архиерейского дома оказалась надпись: «здесь продавались самые лучшие места»». – историч. факт прим. Автора)

Так как мне ещё нет двадцать одного года, то многие начальственные люди вполне могут так обращаться, хотя в отношении дворянина это и считается неприлично. Как не удивительно, но и сейчас полное совершеннолетие считается только с двадцать одного полного года. Это надо для участия в дворянских собраниях с правом голоса. Но участие в этих собраниях всегда было ограничено имущественным цензом. Закон 1831 г. значительно поднял размер минимальной собственности. Теперь право голоса в собраниях имели только потомственные дворяне не моложе двадцать одного года и имевшие в данной местности недвижимую собственность и соответствующий чин на государственной службе. Дворяне, имевшие в данной губернии не меньше ста душ крестьян и не менее трех тысяч десятин земли, пользовались избирательным голосом. На губернском дворянском собрании решались все важнейшие корпоративные дела, утверждались сборы на частные дворянские повинности. Кроме того, одной из важнейших дворянских привилегий считалось право подавать через губернских предводителей или депутатов прошения, жалобы и ходатайства губернскому начальству, мини-

стру и даже императору. Собраниям, однако, запрещалось обсуждать вопросы, затрагивающие основы государственного устройства.

– А почему вы строите одни только церкви? Я вот читал книгу Андреа Палладио, где он явно указывал на строительство и патронаж святой церкви терм и бань. Как в Риме, так и в Константинополе. Производства освещённого мыла – вот вру и не краснею, хотя точно и не знаю – и других препаратов для ухода за телом. А ещё канализаций и сточных труб под церквями для чистоты и порядка в них.

Наблюдаю, как священники по мере моего монолога сильно нахмурились, им такая обуза, нахрен не нужна. Но тут меня поддержал хитрый Добрынин. У него был затяжной спор с рядом влиятельных граждан города. Раньше сточная канава проходила по центру Киевской улице, что не устраивало абсолютно всех. Её переместили, но она получилась в конце участков влиятельных граждан, что уже не нравилось тем, и они требовали её убрать.

У священников же были квалифицированные строительные кадры, которые мы с Добрыниным так желали задействовать на благоустройства города. Священники даже могут вызывать монахов и строителей с других городов и монастырей. Хоть Добрынин и подал в отставку, но человеком он был деятельным и действительно переживал за свой город Тулу. Ну а я надеюсь, что разобравшись со своими делами и прочим, он ещё вернётся и будит градоначальником.

В результате долгих споров пришли к решению, что священники построят общественную баню на два отделения. Мужскую и женскую соответственно. А для этого им придётся строить канализационный коллектор для части города, заодно туда будут стекать и сточные воды. Ох, и будет дело! Это святые отцы ещё не разобрались, на что подписались. У присутствующих на это церковников, в отличие от нас с Добрыниным, ума не хватило. А вот когда они поймут, они меня точно проклянут. Ну, ничего, попробуем это как-то пережить. Будут священники стоять и небольшой мыльный завод, и проповедовать чистоту тела. Но тут их больше подкупила будущая прибыль от освящённого мыла. Будут продавать небольшие кусочки на одну помывку, как и разные жидкости из местных растений. Так же будет поступать и «холявный» уголь на отопление церквей, что тоже подкупило церковников.

После их согласия, решили образовать специальное общество, где будут находиться выделенные деньги для священников. Туда же будут приходить пожертвование от всех граждан. Оттуда же будут контролировать ход работ и использование средств и материалов. Церковники получили даже больше, чем просили, правда и контроля больше. Я тоже пожертвовал пятьсот рублей ассигнациями. Им бы и так выделили, но может чуть меньше, но такое комплексное использование мне нравилось куда как больше. Это решение понравилось не только нам с Добрыниным, но и другим купцам, смекнувшим, в чём суть.

Хотел я ещё поднять один вопрос, но потом одумался. Ну, никак не вяжется мой нынешний двадцатилетний возраст с моралью. Да я хотел поднять вопрос о посещаемости борделей подростками и работы в них.

Но когда все разошлись, я забрал свои три с половиной тысячи рублей у доброжелательно сегодня настроенного Добрынина и поехал к Стефану.

Нам всегда писали и говорили, что при царях было патриархально-нравственное общество. Но я заявляю, это абсолютно не так. Вообще наши программы и учебники истории очень врут... и это мягко сказано об этих временах, событиях и нравах.

Для многих местных XIX век – это время флирта, значительной свободы светских женщин и мужчин. Было и довольно любопытное название – куртуазность. Брак не является святыней, верность не рассматривается как добродетель супругов. Каждая женщина должна была иметь своего кавалера или любовника. Набрались всякой хрени у просвещённой Европы! Светские замужние женщины пользовались большой свободой в своих отношениях с мужчинами. Кстати, обручальные кольца носили сначала на указательном пальце, и только к середине девятнадцатого века оно появилось на безымянном пальце правой руки. При соблюдении всех

необходимых норм приличий они не ограничивали себя ничем. Как известно, «гений чистой красоты» Анна Керн, оставаясь замужней женщиной, выданной некогда за пожилого генерала, вела отдельную от него, фактически независимую жизнь, увлекаясь сама и влюбляя в себя мужчин, среди которых оказался сам А. С. Пушкин, а к концу ее жизни – даже юный студент.

Ещё одно любопытное явление, как кокетство, бесперывное торжество рассудка над чувствами. Кокетка должна внушать любовь, никогда не чувствуя оной; она должна столько же отражать от себя это чувство сие, сколько и поселять оное в других; в обязанность вменяется ей не подавать даже виду, что любишь, из опасения, чтоб того из обожателей, который, кажется, предпочитается, не сочли соперники его счастливейшим: искусство ее состоит в том, чтобы никогда не лишать их надежды, не подавая им никакой.

Муж, ежели он светский человек, должен желать, чтоб жена его была кокетка: свойство такое обеспечивает его благополучие. Но прежде всего должно, чтоб муж имел довольно философии согласиться на беспредельную доверенность к жене своей. Ревнивец не поверит, чтоб жена его осталась нечувствительною к беспрестанным исканиям, которыми покусятся тронуть ее сердце; в чувствах, с которыми к ней относятся, увидит он только намерение похитить у нее любовь к нему. Оттого и происходит, что многие женщины, которые были бы только кокетками, от невозможности быть таковыми делаются неверными; женщины любят похвалы, ласкательства, маленькие услуги.

Мы называем кокеткою молодую девушку или женщину, любящую наряжаться для того, чтоб нравиться мужу или обожателю. Мы называем ещё кокеткою женщину, которая без всякого намерения нравиться следует моде единственно для того, что звание и состояние её того требуют.

Кокетство приостанавливает время женщин, продолжает молодость их и приверженность к ним: это верный расчет рассудка. Извиним, однако же, женщин, пренебрегающих кокетством, убедившись в невозможности окружить себя рыцарями надежды, пренебрегли они свойством, в котором не находили успехов.

В эпоху романтизма «необычные» женские характеры вписались в философию культуры и одновременно сделались модными. В литературе и в жизни возникает образ «демонической» женщины, нарушительницы правил, презирующей условности и ложь светского мира. Возникнув в литературе, идеал демонической женщины активно вторгся в быт и создал целую галерею женщин – разрушительниц норм «приличного» светского поведения. Этот характер становится одним из главных идеалов романтиков.

Аграфена Федоровна Закревская (1800–1879) – жена Финляндского генерал-губернатора, с 1828 года – министра внутренних дел, а после 1848 года – московского военного генерал-губернатора А. А. Закревского. Экстравагантная красавица, Закревская была известна своими скандальными связями. Образ её привлекал внимание лучших поэтов 1820–1830-х годов. Пушкин писал о ней (стихотворение «Портрет», «Наперсник»). Закревская же была прототипом княгини Нины в поэме Баратынского «Бал». И наконец, по предположению В. Вересаева, ее же нарисовал Пушкин в образе Нины Воронской в 8-й главе «Евгения Онегина». Нина Воронская – яркая, экстравагантная красавица, «Клеопатра Невы» – идеал романтической женщины, поставившей себя и вне условностей поведения, и вне морали.

Ну и конечно проституция была очень распространенным явлением. Если такие известные личности как Пушкин, посетивший бордель в четырнадцать лет и Чехов в тринадцать лет, при том, что они были достаточно бедны. То, что говорить о богатых отпрысках. В Туле некоторые устраивали представление ничуть не меньше нашей «золотой молодежи» в двадцать пером веке и меня это надо признать шокировало.

Развитие института проституции в России шло, что называется по классической схеме. Существовал слой элитных проститутток из высшего слоев общества – в обиходе этих женщин в Петербурге называли «камелиями» по ассоциации с романом А. Дюма-сына «Дама с каме-

лиями». Роман появился в 1848 году во Франции, и сразу стал необычайно популярным в Российской Империи. Известно, что «камелии» вели такую же жизнь, как и аристократы, в обществе которых вращались эти дамы. «Встают они поздно, – отмечал в 1868 году анонимный автор «Очерка проституции в Петербурге», – катаются по Невскому в каретах и наконец, выставляют себя напоказ во французском театре». В двадцатом веке слово «камелии» поменяли на «ночных бабочек», ну только и всего.

Поскольку строгий запрет не дал результатов, Николай I в 1840 вернулся к системе регламентации и врачебно-полицейскому надзору за проституцией. Справедливости ради стоит отметить, что проституцию в России легализовали вовсе не из-за особой извращенности или неожиданного либерализма властей. Просто император Николай – I понял, что наказаниями и запретительными мерами бороться со второй древнейшей профессией совершенно бесполезно. Первым же начал бороться с проституцией ещё сам император Петр Великий, который, вернувшись из Амстердама, тут же запретил открывать публичные дома рядом с казармами полков – во избежание массовых случаев заражения «нехорошими» инфекциями, сифилис – вот главный враг русского солдата! Но все жестокости были бесполезны: проституция все равно цвела в России пышным цветом. А венерические болезни были главной заботой всех военных врачей. И тогда Николай I специальным указом легализовал проституцию, установив за ней строгий врачебно-полицейский надзор. Проститутки, женщин старше шестнадцати лет, ставили на учет во врачебно-полицейских комитетах, отбирали у них паспорта, а взамен выдают особые свидетельства – «желтые билеты».

В «Правилах для содержательниц домов терпимости» были установлены возрастные ограничения как для самих проститутки – только с шестнадцати лет, так и для содержательниц публичных домов – с тридцати пяти лет. А также регламентировано место размещения борделей – не ближе чем ста пятидесяти саженей – то есть, около трех сот метров – от церквей, училищ и школ.

По стоимости услуг и уровню обслуживания публичные дома делились на три категории. Обязательным атрибутом дорогих заведений была мягкая мебель. Женщины были хорошо и дорого одеты. За один визит посетитель мог оставить здесь до ста рублей. За сутки одна женщина принимала не больше пять-шесть посетителей.

Посетителями заведений среднего класса были чиновники, студенты, младшие офицеры. Стоимость услуг здесь колебалась от одного до трех рублей за «время» и от трех до семи рублей за ночь. Суточная норма проститутки составляла около десять-двенадцать посетителей.

Дешевые заведения были ориентированы на солдат, мастеровых и бродяг. Здесь расценки составляли тридцать-пятьдесят копеек, а суточная норма доходила до двадцати и более человек.

Доходы проститутки были достаточно высокими. В начале века живущая в публичном доме недорогая проститутка получала в среднем сорок рублей в месяц, в то время как работница текстильной фабрики – пятнадцать-двадцать рублей. Ежемесячный доход дорогой проститутки мог составлять пятьсот-шестьсот рублей. Кроме того, существовала и любительская – «безбилетная» – проституция. Прежде всего, конкуренцию дорогим публичным домам создавали модные кабаре и кафе-шантаны с цыганскими ансамблями – например, знаменитый «Ярь» в Петербурге. Все знали, что артисток за определенную сумму можно ангажировать на вечер. В 40-70-х гг. брать на содержание цыганок считалось хорошим тоном даже в аристократических кругах. Причём на то, чтобы принять ухаживания должен был дать согласие хор – это не было частным делом. Кстати сказать, цыганки никогда не числились ни в «билетных», ни в «бланковых» проститутках.

Существовала и мужская проституция. Что касается России XIX века, то в Петербурге тоже существовал нелегальный, но всем известный рынок мужской проституции. Литератор Владимир Петрович Бурнашев (1809-1888) писал, что еще в 1830-40-х годах на Невском

царил «педерастический разврат». «Все это были прехорошенькие собою фореиторы..., кантонистики, певчие различных хоров, ремесленные ученики опрятных мастеров, преимущественно парикмахерского, обойного, портного, а также лавочные мальчики без мест, молоденькие писарьки военного и морского министерств, наконец, даже вицмундирные канцелярские чиновники разных департаментов». Промышляли этим и молодые извозчики. Иногда на почве конкуренции между «девками» и «мальчиками» даже происходили потасовки. Услугами молодых мальчиков пользовались как представители высшей аристократии и богачи, так и безвестные солдаты и гимназисты. На такой клиентуре даже специализировались некоторые гостиницы и рестораны.

Ещё одним местом для занятия проституцией... были ярмарки. Где крестьяне привозили товар, а крестьянки оказывали услуги. Это было так сказать, их дополнительным заработком.

Во всяком случае, узаконенное явление – это более честно. Не мне судить, как должно быть. Но я придерживаюсь мнение, что если с проституцией нельзя справиться, то она как-то законодательно должна регулироваться. А не так как у нас, где мы стыдливо закрываем глаза, а власть имущие на этом очень даже наживаются. И пусть не врут, что это не так.

Что касается Тулы, то в настоящий момент на Посольской улице был официальный бордель, куда частенько наведывались мои знакомые купцы. Они там особенно любили погулять после удачных сделок. Частенько приглашали и меня, но зная ситуацию с венерическими заболеваниями и уровень медицины, я категорически отказывался. Да и отношение с Антоновой меня вполне устраивали, как и её. На эту тему у нас с ней в своё время вышел очень интересный разговор.

– Аня! Я бы хотел, чтобы ты больше... ни с кем не имела интимных отношений – произношу, немного растягивая слова. – Если тебя что-то не устраивает или ты решишь уйти к другому, ты просто скажи и всё... Я претензий к тебе никаких предъявлять не буду. Останемся друзьями и торговыми партнерами – и заклятую ей в глаза.

– И что ты по борделям ходить не будешь? И с разными индийками спать не будешь? – толи подкалывает меня, толи проверяет на честность наши отношения. Насколько я понял, её пока наши отношения дворянина с купчихой пока устраивают, тем более с дорогими подарками с моей стороны. Но всё может быть, как говорят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.